

УДК 811.161'373'221

Трофимович Тамара Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и лингводидактики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка;

Русакович Ирина Кузьминична – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры коррекционно-развивающих технологий Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
электронная почта: *t.trof@mail.ru*

Trofimovich Tamara Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank;

Rusakovich Irina Kuzminichna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Correctional and Developmental Technologies of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
e-mail: *t.trof@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВА В СЛОВЕСНЫХ И ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Аннотация. В публикации предпринимается попытка выявления национального компонента наименований родства в жестовых языках Беларуси и России, для чего осуществляется обращение к русскому и белорусскому словесным языкам. Авторы вносят таким образом свой вклад в решение актуальной проблемы установления и признания национальных жестовых языков.

Ключевые слова. Наименования родства, словесный язык, жестовый язык, национальный компонент системы наименований.

NATIONAL COMPONENT OF RELATIONSHIP NAMES IN VERBAL AND SIGN LANGUAGES OF BELARUS AND RUSSIA

Annotation. The publication attempts to identify the national component of kinship names in the sign languages of Belarus and Russia, for which an appeal is made to the Russian and Belarusian verbal languages. The authors thus contribute to solving the urgent problem of establishing and recognizing national sign languages.

Keywords. Names of kinship, verbal language, sign language, national component of the naming system.

В настоящее время общеизвестным и общепринятым является факт того, что языки бывают не только словесными, но и жестовыми. Жестовым называют язык, состоящий из жестов – знаков, появляющихся в результате движения рук в сочетании с мимикой. Доказано, что жестовые языки представляют собой полноценные средства коммуникации, которые исполь-

зуются слабослышащими или глухими людьми. Эти языки функционируют независимо от языков словесных, не обусловлены ими, что не лишает их статуса языков как таковых, имеющих к тому же национальную принадлежность.

В современном полиэтническом мире существует большое количество национальных словесных языков (около 7000). По некоторым сведениям, в мире зафиксировано 138 национальных жестовых языков (А. Комарова). Естественное их развитие как средств общения неслышащих и слабослышащих людей привело к созданию международного жестового языка жестуно (*джестуно*, *International Sign (IS)* (также *Gestuno*, *International Sign Language (ISL)*, *International Sign Pidgin* и *International Gesture (IG)*), который, по многим утверждениям, успешно используется [1, с. 10].

В контексте мировой ситуации существования национальных жестовых языков, а также признания их статусов, значимым и заслуживающим внимания оказался вопрос о том, существуют ли русский и белорусский жестовые языки. По-другому эту проблему можно сформулировать следующим образом: является ли жестовый язык, используемый на территории Беларуси, белорусским, а жестовый язык на территории России русским.

Попытаемся предложить наше видение сути проблемы, а также возможные пути ее решения на примере наименований родства в словесных и жестовых языках Беларуси и России.

Известно, что русские и белорусские словесные термины родства образуют древние по происхождению лексико-семантические группы наименований, структура которых обусловлена существованием у восточных славян системы кровных и свойственных родственных отношений. В настоящее время можно с уверенностью констатировать две существенные особенности этих групп в обоих языках: 1) заметное сокращение количества активно функционирующих единиц; 2) закрытость, замкнутость самих систем наименований. Это означает, что изменения социального статуса и значимости родственных отношений в жизни общества постепенно привели к тому, что часть единиц вышла из активного употребления и продолжает выходить (например, русские наименования *деверь*, *шурин*, *ятровка*, *золовка* и др., их белорусские соответствия *дзевер*, *швагер*, *ятроўка*, *залоўка* и др.). Новые наименования родства тоже не появляются.

Термины родства в словесных русском и белорусском языках характеризуются заметной общностью звукового и грамматического облика, что является следствием генетического родства языков. Возьмем для сопоставления наиболее активные единицы: *русск. мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка, дедушка, бабушка, муж, жена, свекровь, свекор, тесть, теща, племянник, племянница* – *белор. маці, бацька, сын, дачка, брат, сястра, унук, унучка, дзядуля, бабуля, мужык, жонка, свякроў, свёкар, цесць, цешча, пляменнік, пляменніца*. Можно привести и другие примеры, которые подтвердят вывод о сходстве русских и белорусских наименований.

Сходство, тем не менее, не исключает национальной специфики анализируемых единиц, проявляющейся не только и не столько на звуковом (*внук – унук*) и морфемном уровне (*дедушка – дядуля*), но и на лексическом. В каждом из языков существует группа особых, различающихся концептуально и ономазиологически номинативных единиц. Приведем некоторые из них: *родители – бацькі, отец – бацька, папа – тата, двоюродный брат – стрыечны брат, шурин – швагер, свояченица – швагерка* и др. Следовательно, генетическое родство русского и белорусского языков не исключает целого комплекса национальных черт, что в конечном итоге приводит в сочетании с социолингвистическими показателями к признанию самостоятельности языков.

Русские и белорусские наименования родства активно вовлечены в деривационные процессы, приведшие и приводящие к заметному расширению составов групп. Потребности коммуникации порождают уменьшительно-ласкательные и экспрессивно окрашенные наименования: *мама – мамочка – мамуля – матушка, папа – папочка – папуля, сынок – сыночек – сынуля – сыночка, доченька – дочка – дочурка* и т.д. При возникновении подобных наименований активизированным в словесных русском и белорусском языках оказывается морфемный уровень: *доченька – дачушка, мамочка – матуля, дедушка – дядуля* и т.д. В каком-то смысле на морфемном уровне тоже проявляется национальная специфика языков.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает упомянутый ранее факт сокращения активно функционирующих русских и белорусских терминов родства. По мнению большинства исследователей, социальные преобразования в ходе исторического развития привели к тому, что изменилась значимость отношений кровного и свойственного родства. Актуальными для человека остались отношения, которые условно называются *трехпоколенными*. Это означает, что если за основу взять отношения свойственного родства *муж – жена (мужык – жонка)*, то востребованными оказываются наименования лиц старшего поколения (родителей), а также детей и внуков. В результате для *жены* оказываются актуальными не только единицы *мать, отец (мама, папа)*, но и *свекор, свекровь*, для мужа – не только наименования родителей, но и *тесть, теща*. Для разных поколений значимы названия детей (*сын, дочка*) и внуков (*внук, внучка*).

В настоящее время другие многочисленные термины родства переместились на периферию словарных составов русского и белорусского языков. Их национальная специфика выявляется только в результате диахронического подхода.

Отличительной особенностью многих наименований родства является их способность использоваться в качестве обращений. Обычными и привычными оказываются в русском и белорусском языках обращения, являющиеся одновременно именованиями родства: *мама, папа, сын, дочь, брат, сестра* и т.д. Однако обращениями нередко становятся слова, которые

по происхождению являются терминами родства, но в конкретной ситуации использованы не как таковые. *В автобусе мальчик уступает место пожилой женщине и говорит: “Бабушка, садитесь!”. Молодой человек просит другого помочь положить вещи в машину и говорит: “Братишка, помоги!”. Подросток должен позвонить маме, но забыл дома телефон: “Тётя, дайте телефон позвонить!”*

В отношении жестовых языков прежде всего следует отметить, что их национальный колорит может быть обусловлен особенностями менталитета, историей и культурой национальных ассоциаций глухих, спецификой территориальных и этнических отличий в коммуникативно-речевом поведении, быте, традициях, восприятии и переработке информации его носителями, ситуации и степени их включенности в словесно-жестовое двуязычие.

Белорусский жестовый язык в современном социокультурном пространстве рассматривается как язык, принадлежащий «субкультуре глухих» – культурно-лингвистическому микросоциуму, «Белорусскому обществу глухих», имеющему свою 90-летнюю историю и традиции (<http://www.belog.org>) Его носителями являются около 10000 лиц с инвалидностью по слуху, проживающих на территории Республики Беларусь, в том числе дети с нарушением слуха (а также – слышащие билингвы), рожденные в семьях неслышащих родителей.

Исторически белорусская ассоциация людей с нарушением слуха ранее входила в структуру «Всероссийского общества глухих», где также использовался еще в СССР единый для системы образования русский словесный язык и русский дактильный алфавит как средство обучения детей с нарушением слуха, а также формировались общие корни русскоязычного образования и профессиональной подготовки переводчиков жестового языка (Ленинградский восстановительный центр Всероссийского общества глухих – ЛВЦ ВОГ). Поэтому термин «русский жестовый язык» является устойчивым и распространенным [2], [3] и на территории Беларуси. Заметим, что в настоящее время в нормативных государственных документах национальный характер жестового языка, используемого на территории Беларуси, не обозначен, и в отношении к нему применяются определения «жестовый язык», «жестовая речь».

В настоящее время в формате научных исследований ведется описание феномена национального жестового языка, изучение и поиск аргументов – лингвистических отличий и других показателей, которые могут послужить концептуальным обоснованием термина «белорусский жестовый язык» и его использования в социокультурном и политическом пространстве страны (НИР Министерства образования РБ, 2021-2022, ГР 20211511 от 24.05.2021). Социальная значимость проводимого исследования национального жестового языка усиливается поддержкой и адресным запросом общественного объединения «Белорусское общество глухих», его обращениями в Мини-

стерство образования РБ и другие государственные инстанции с предложениями установить статус жестового языка и укрепить лингвистические, культурные, образовательные права незлышащих белорусов, опираясь на Конвенцию ООН «О правах инвалидов».

Обращение к научной литературе и данные проведенного исследования национального жестового языка позволили выделить следующие характеристики его «белорусскости»: соответствие территориально-политическому фактору (он является средством общения незлышащих и слабослышащих людей на территории независимого государства); фактору самоидентификации (носители белорусского жестового языка считают себя в подавляющем большинстве белорусами) и лингвистическому фактору (проявление лингвистических различий на уровне лексики и фразеологии).

Если сопоставлять лексические, грамматические и синтаксические средства в близкородственных жестовых языках – русском и белорусском, то очевидно, что наибольшее количество различий выявлены в основном на лексическом уровне [4], [5]. Выраженные различия обнаружены в 9,1 % объема языковых единиц; это выглядит как разные жесты и соотносится как непохожие на звуковом уровне слова; и невыраженные различия – 20, 5% случаях – как различия на морфологическом уровне (они наблюдаются в изменении отдельных структурных элементов жеста (форме руки, направлении ладони, пальцев, количестве и качестве движений)).

Рассмотрим это на примере обозначения родства. Как и в словесных языках в этой группе прослеживается сходство большинства языковых единиц (около 70%), что объясняется общей историей и территориальной близостью государств (<https://www.spreadthesign.com/ru.by/search/by-category/83/semia-i-semeinye-otnosheniia>) Так, и в белорусском, и в русском жестовых языках жесты-эквиваленты *мама/маці, папа/тата, родители/бацькі* идентичны. Они обрисовывают облик лица раскрытой ладонью сверху вниз (стержневая линия – *отец*) и справа налево (поддерживающая отцовский крест линия – *мать*), символизируя, что человек – носитель черт своих родителей.

Одинаковым является способ уточнения родства: например, *внук* и *внучка* в обоих жестовых языках передается сочетанием двух жестов *дочь/сын + следующий*. Однако в обозначении *сына* и *дочери* средствами русского и белорусского языков наблюдаются незначительные различия в месте исполнения жестов и в качестве движения (морфологический уровень).

Также похожи способы передачи степени родства – *шурип* – *швагер*, *свояченица* – *швагерка* – в обоих языках через использование трех жестов: *жена+ее+брат / жена+ее+сестра*. Однако на уровне воспроизведения жестов-эквивалентов наблюдаются «произносительные» отличия. Так, например, в обозначении *мужа* и *жены* в русском и белорусском жестовом языках используется имитационный жест «одеть кольцо», но в русском жестовом

языке он исполняется щепоткой, а в белорусском – сомкнутыми указательным и большим пальцами (морфологический уровень). В обозначениях *брат/сестра, двоюродный брат/сестра*) [4] – *стрыечны брат/сястра, тетя/цёця* [4] также прослеживается морфологическая дифференциация в воспроизведении.

Разные жестовые обозначения в русском и белорусском жестовом языке используются для называния *дедушки/дзядулі и бабушки/бабулі*. Причем в обоих языках в этих жестах заложена связь с возрастом (у бабушки) и с наличием бороды (у дедушки). Но русские жесты *дедушка и бабушка* на территории Беларуси могут иметь значение *борода и осень*, а самостоятельные белорусские обозначения старшего поколения отличаются формой руки и движением от русскоязычных.

Способов передачи уменьшительно-ласкательных жестовых обозначений, как и особенностей обращения, не наблюдается. Пользователи белорусского жестового языка, как и российского для передачи экспрессивно окрашенных наименований пользуются двух-трехсоставными жестами (*мамочка/матушка – матуля*, например, жестами *мама +дорогая/любимая /обожжаемая/уважаемая*) и активно дополняют сказанное эмоционально с помощью мимики). При обращении также в контексте прибегают к наименованиям родства, поэтому приведенные примеры актуальны и для наших близкородственных жестовых языков, но больше они прослеживаются в детско-родительских отношениях. Например, в семье вечером папа говорит сыну: “*Мы сегодня посмотрим сказку на жестовом языке, ее расскажет бабушка*” (исполнитель в почтенном возрасте) или родители обращают внимание детей на улице: “*Смотрите, какая красивая тетя идет!*”, или, забирая малышей из школы: “*Вас сегодня хвалил дядя вахтер*”.

Пользователи жестовых языков России и Беларуси фактически беспрепятственно общаются, что указывает на их близкое родство. Однако при сравнении лексических составов выявляются определенные количественные и качественные отличия. Это позволяет утверждать, что перед нами два жестовых языка – русский и белорусский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейльман И. Ф. Знакомьтесь: ручная речь. М. : Загрей, 2001. 172 с.
2. Зайцева Г. Л. Курс «Русский жестовый язык» (экспериментальная программа для школ глухих) // Дефектология. 2002. № 1. С. 32–42.
3. Прозорова Е. В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 44–61.
4. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта «Распространим жест» // Международный интернет-словарь жестовых языков Sign language dictionary – SPREADTHESIGN [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.spreadthesign.com/be/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Фрадкина Р. Н. Говорящие руки: тематический словарь жестового языка глухих России. М. : Моск. гор. орг. ВОГ, 2001. 597 с.